

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-153-164

© Л. В. Соколова

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА

Важное значение Куликовской битвы, состоявшейся 640 лет назад между войском Мамаи и объединенными русскими полками, возглавляемыми московским великим князем Дмитрием Ивановичем, осознавали уже ее современники и их близкие потомки. Об этом свидетельствует создание целого ряда древнерусских произведений, образующих так называемый Куликовский цикл. Это летописные повествования о битве (краткая летописная *заметка*, летописный *рассказ*, летописная *повесть*), «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина». Произведения эти, известные в разных редакциях и вариантах, различны по своему жанру, целям, содержанию и объему сообщаемой информации. По вопросам взаимоотношений памятников Куликовского цикла, их датировки и по большинству других проблем единого мнения не существует. Споры обусловлены прежде всего сложностью текстологических связей как между памятниками, составляющими весь цикл, так и между их редакциями и вариантами. Между тем четкое представление о взаимоотношении памятников Куликовского цикла чрезвычайно важно для понимания того, как складывался этот цикл, какие задачи, цели ставил автор каждого из произведений, в каком из них впервые появились те или иные сообщения. Именно этим вызвана необходимость комплексного рассмотрения всего цикла в целом, чему и посвящена настоящая статья. В ней предлагается новый взгляд на последовательность возникновения памятников Куликовского цикла.

Исследование летописных памятников Куликовского цикла¹ привело нас к выводу, что краткая *заметка* о состоявшемся сражении на Куликовом поле была включена под 1380 годом в московский великокняжеский летописец Дмитрия Донского (предполагаемый «Летописец великий русский», завершившийся, очевидно, 1392 годом).² В 80-е годы XIV века, вероятно до смерти Дмитрия Донского (1389), в его окружении была создана как самостоятельное (вне летописное) произведение не дошедшая до нас в первоначальном виде повесть (назовем ее Вне летописная повесть о Куликовской битве), довольно подробно рассказывавшая о происходивших в 1380 году событиях. Рассказ о Куликовской битве в своде 1408 года (отраженном в сгоревшей Троицкой

¹ Итоги этого исследования см.: Соколова Л. В. 1) Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 63. С. 305–353; 2) Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи) // Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие: Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 294–308.

² Эта заметка, по нашему мнению, дошла в составе Московско-Академической летописи (или Московско-Академическом списке Суздальской летописи). См.: Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве. С. 306. Вот текст этой заметки: «В лѣто 6888. Ордыньскыи князь Мамай, събравъ воя многы, поиде на великого князя Дмитрея Ивановича. То же слышавъ князь великий, събра воя многы и поиде противу. И стрѣтошася за Дономъ на усть Непрядвы. И бысть съча зла, ака же не бывала в Руси. И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичю. И ту убьени быша на суимѣ князь Федоръ Романовичъ Бѣлоозерскыи, сынъ его князь Иванъ, Семень Михайловичъ, Микула Васильевичъ, Михайло Ивановичъ, Ондрѣи Серкизовъ, Тимофѣи Волуи, Михайло Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Олександр и инии мнози. Князь же великий Дмитрей Ивановичъ съ прочими князи рускыми и воеводами ставъ на костех и похваля Бога и того всенепорочную мать. И възвратися въ свою отчину, побѣдивъ своя врагы».

летописи) является сводным текстом: краткая *заметка*, читавшаяся в «Летописце великом русском», была дополнена некоторыми сообщениями, заимствованными из Внелетописной повести о Куликовской битве.³ А в свод митрополита Фотия 1418 года была включена уже сама Внелетописная повесть о Куликовской битве, при этом существенно отредактированная.⁴ Этот текст известен нам как «Летописная повесть о Куликовской битве», читающаяся в восходящих к своду Фотия Софийской I летописи, Новгородской IV летописи и во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи.

Если рассказ в летописном своде 1408 года (Троицкой летописи) носил информационный характер, сжато рассказывал о приходе Мамаю, о выступлении к Дону московского князя Дмитрия Ивановича и о битве, то «Летописная повесть о Куликовской битве», а также «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» являются литературными текстами, написанными с определенными политическими целями. Л. В. Черепнин проанализировал различия в освещении событий разных произведений о Куликовской битве и отметил, что на характер этих повествований наложили свой отпечаток разные политические тенденции в среде русской знати.⁵ Рассмотрим поочередно три литературных памятника Куликовского цикла: «Летописную повесть о Куликовской битве», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщину». Именно в таком хронологическом порядке появились, по нашему мнению, эти произведения.

Повесть о Куликовской битве

О недошедшем тексте Внелетописной повести о Куликовской битве мы можем судить лишь по «Летописной повести», в которой, однако, обнаруживаются значительные редакторские добавления, о чем пойдет речь далее. Если вычленить их, то с определенной долей условности можно восстановить первоначальный текст, созданный в окружении Дмитрия Донского. В нем довольно подробно освещались события 1380 года. Сообщалась причина прихода Мамаю на Русь, говорилось о его союзе с литовским князем Ягайло. Далее рассказывалось о сборе русского войска, о благословении Дмитрия Ивановича на битву коломенским епископом Герасимом (местоблюстителем Московского митрополичьего престола в 1379–1381 годах), о маршруте русского войска к месту сражения. Указывалось, что князь Владимир Андреевич и воевода Тимофей Васильевич позднее выехали из Москвы и присоединились к русскому войску у Оки, уточнялось, что Дмитрий Иванович «со своим двором» переправился через Оку не в воскресенье, как все войско, а в понедельник. Назывались точные даты, даже часы сражения. В Повести говорилось об участии в походе литовских князей — братьев Ольгердовичей, о спорах в окружении Дмитрия Донского по поводу того, следует переходить Дон или нет, описывалась битва, назывались имена убитых русских князей и воевод. Все эти сведения выглядят достоверными, полученными от участников похода. В заключение сообщалось о событиях, произошедших после битвы: об ограблении рязанцами русских воинов, возвращавшихся с битвы, и пленении некоторых из них, о реакции на это Дмитрия Ивановича, о судьбе Мамаю, о воцарении в Орде Тохтамыша, о поездке к нему русских послов с дарами.

³ Составитель летописного митрополичьего свода 1408 года, протографом которого, по мнению А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, был «Летописец великий русский», подверг последний обработке, в том числе, как полагал М. Д. Приселков, расширил его.

⁴ Это подтверждается характером работы составителя свода Фотия. Он, по наблюдению М. Д. Приселкова, «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения» (Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 207). Вошедшие в свод Фотия внелетописные материалы составили основную часть второй подборки Новгородской Карамзинской летописи. Их перечисление см.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 160–162.

⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 596–623.

Основным литературным источником Внелетописной повести, ближайшим образцом ее литературной формы была Повесть об Александре Невском.⁶ Целью создания Внелетописной повести было рассказать о событиях 1380 года и прославить первую большую победу над ордынцами объединенного русского войска во главе с московским великим князем Дмитрием Ивановичем. По этой причине подчеркивался масштаб Куликовской битвы, говорилось (вероятно, преувеличенно) о многочисленности войска Дмитрия Донского: в Коломне собралось 100 000 и 50 000 воинов, — «от начала миру не бывала такова сила русских князей и воеводъ мѣстных, яко же при сем князи».⁷ Автор Повести акцентирует ожесточенность битвы, ее исключительность: «И бысть сеча зла и велика и брань крѣпка, трусь великъ зѣло, яко же от начала миру сѣча не была такова великим княземъ руским, яко же сему великому князю всеа Руси».⁸

В Повести особо отмечается храбрость и мужество князя Дмитрия Ивановича, организатора похода против Мамаю. Сообщается, что начал он сражение в Сторожевом полку, который первым вступил в бой, а потом, «не долго попустя», отъехал в Великий полк.⁹ После перечисления имен убитых на поле битвы русских князей и воевод автор Повести пишет, что у великого князя «в(е)сь доспѣхъ его битъ и язвен, но на тѣлеси его не бѣше язвы ни коея же, а бился с тотары в лице, ставъ наперед, на первом суимѣ. О сем убо мнози князи и воеводы многажды глаголаше ему: „Княже, господинъ! Не ставися наперед битися, но назади или крилѣ, или нѣгдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ“. Он же отвѣщавааше им: „Да како азъ възглаголю: «Братъаа моа, да потягнем вси съ единого», — а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хочу яко же словом, такожде и дѣлом наперед всѣх и пред всеми главу свою положить за свою братью и за вся крестьяны, да и прочи, то видѣвше, примутъ съ усердием дръзновение“. Да яко же рече, и тако сътвори: бяшеся с тотары тогда, ставъ наперед всѣх. А елико одѣсную и ошюю его дружину его биша, самого же въкругъ оступиша около, аки вода многа обаполы, и многа ударения ударишася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его, но от всѣх сих Богъ заступил его въ день брани щитом истинным и оружием благоволения осѣнилъ есть над главою его, десницею своею защитил его, и рукою крѣпкою и мышцею высокою Богъ избавилъ есть, укрѣпивый его, и тако промежи ратными многими цѣлъ съхраненъ бысть».¹⁰

Подобно другим древнерусским произведениям о нашествиях на Русь иноплемеников, в Повести приход Мамаю объясняется карой за грехи: «Се же бысть грѣх ради наших: въоружаются на ны иноплеменици, да быхом ся отступили от своих неправдъ, от братоненавидения, и от сребролюбия, и в неправду судящих, и от насилья. Нѣ милосердѣ бо есть Богъ чловѣколюбецъ: не до конца прогнѣвается на ны, ни въ вѣки враждуетъ».¹¹

Проведенный нами текстологический анализ «Летописной повести» показывает, что ее составитель внес существенные дополнения в свой протограф — Внелетописную повесть.

Во-первых, это несколько вставок, касающихся действий Олега Рязанского. Автор «Летописной повести» гневно обличает рязанского князя Олега Ивановича как союзника Мамаю, якобы посылавшего ему на помощь свои «силы». Он сравнивает Олега с Иудой и Святополком Окаянным, предрекает рязанскому князю Божью кару за его измену.

Учитывая гневные выпады против Олега Рязанского, некоторые исследователи полагали, что «Летописная повесть» написана при жизни Олега (ум. 1402). Указав на

⁶ Об источниках Повести см.: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 364–370.

⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 17 (сер. «Литературные памятники»).

⁸ Там же. С. 20–21. Здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л. С.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же.

«крайне страстный, негодующий тон повествования», «в высшей степени резкую характеристику Олега», а также на фразу о посмертном суде («придеть ему день Господень в суд»), А. Марков высказал мысль, что Повесть написана еще при жизни Олега, т. е. до июня 1402 года.¹² С тем, что об Олеге повествуется как о живом и еще опасном противнике, согласились А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, С. Н. Азбелев, А. К. Зайцев.

Однако текстологический анализ «Летописной повести» приводит к выводу, что все фрагменты об Олеге (за исключением одного, читающегося в эпилоге) — позднейшие вставки в текст Внелетописной повести.¹³ Как представляется, в авторском тексте Внелетописной повести упоминалось лишь о том, что Олег Рязанский грабил и брал в плен воинов Дмитрия Донского, возвращавшихся домой по землям Рязанского княжества. Этот факт зафиксирован в договоре («Докончании») Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским 6 августа 1381 года, где говорится о необходимости возвращения пленных.¹⁴ В первоначальную фразу о грабеже и взятии воинов в плен позднее (в предполагаемом нами Дополненном виде Внелетописной повести) было внесено сообщение о посылке Олегом на помощь Мамаю своей «силы», читающееся и в «Летописной повести»:¹⁵ «Повѣдаша князю великому, что князь Олегъ Рязаньскій [*посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ*] на рѣкъ перѣмѣталъ мостъ, а кто поѣхалъ с Доновскаго побоища домов сквозъ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣх велѣлъ имати и грабити и нагих пущати».¹⁶

Фраза о действиях Олега Рязанского после битвы была, с внесенным добавлением, заимствована в рассказ о битве, читающийся в своде 1408 года, следовательно, вставка о посылке Олегом войск Мамаю сделана до этого времени.

Читавшееся в протографе «Летописной повести» сообщение о действиях Олега после битвы, в том числе о посылке им своего войска Мамаю, и послужило, вероятно, побудительным мотивом для составителя «Летописной повести» обвинить рязанского князя в союзе с Мамаем и внести в текст вымышленные эпизоды о его действиях до и во время битвы.

Фрагментами об Олеге Рязанском составитель «Летописной повести» значительно усилил ее публицистичность.¹⁷ Страстными обвинениями рязанского князя в предательстве русских интересов, пособничестве врагам Русской земли читателю внуша-

¹² Марков А. [Рец. на:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81, № 7) // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Ч. 14. № 4. С. 434–435.

¹³ Анализ фрагментов «Летописной повести» с упоминанием Олега Рязанского см. в статье: Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2019. Т. 66. С. 76–109.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Т. 1. С. 54 (грамота 32).

¹⁵ Сообщение во второй части (эпилоге) о посылке Олегом войска Мамаю не могло быть внесено одновременно со вставками об Олеге в первой, основной части «Летописной повести», так как противоречит им. Согласно первой части «Летописной повести», Дмитрий Иванович еще до битвы знал об измене Олега, о его союзе с Мамаем. А по сообщению об этом в эпилоге, Дмитрий Иванович узнал о посылке Олегом своего войска Мамаю после битвы, вернувшись в Москву. Это наводит на мысль, что вставка в эпилоге была сделана до «Летописной повести» — в предполагаемом нами Дополненном виде Внелетописной повести. В этом же Дополненном виде, вероятно, было добавлено сообщение о составе войска Мамаю. Подробнее об этом см.: Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? С. 80–82.

¹⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 23. Вставку выдает и построение фразы: внесенный фрагмент присоединен к последующему тексту словами «а сам», в результате получается, что Олег *сам*, в одиночку разрушил мост.

¹⁷ На публицистичность древнерусской литературы обращал внимание Д. С. Лихачев: «Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов. <...> Чтобы удержать единство, требовалась высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верности, самоотверженности, высокое патриотическое самосознание и высокое развитие словесного искусства — жанров политической публицистики» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 15).

лась мысль о необходимости объединения всех русских князей перед общим врагом. При этом автор создал риторическое восхваление Дмитрия Ивановича, который, выступая защитником Русской земли, «не убоился» выступить против *трех* врагов: «поганого» Мамаю, литовского князя Ягайло и «поборника бессерменского» Олега Рязанского, «не снабдевшего своего крестьянства»: «О, крѣпкыя и твердыя дерзости мужество! О, како не убоися, ни усумняся толика множества народа ратных? Ибо въсташа на нь три земли, три рати: первое — тотарьскаа, второе — литовьскаа, третее — рязаньскаа. Но обаче всѣх сих не убоися, никако же не устрашися, но, еже к Богу въроу въоружився...».¹⁸

Еще одной вставкой в первоначальный, внелетописный текст Повести является сообщение «Летописной повести» о благословенной грамоте Сергия Радонежского. По «Летописной повести», когда князь Дмитрий подошел к Дону, ему была вручена грамота от Сергия Радонежского, содержащая благословение на битву с Мамаем. На вставку указывает противоречие в тексте «Летописной повести», возникшее в результате вставки.¹⁹ Эта легенда имела важное общественно-политическое значение для своего времени: она убеждала, что Сергей Радонежский своим духовным авторитетом оправдывал и благословлял выступление русских князей против ордынцев, тем самым побуждая к дальнейшей борьбе за независимость Руси от Орды.

Есть основания полагать, что присутствующие в «Летописной повести» риторические пассажи, а также пространные молитвы и благочестивые рассуждения Дмитрия Ивановича тоже внесены в текст воинской Внелетописной повести при включении ее в свод Фотия 1418 года, поскольку отмеченные особенности являются характерной чертой этого митрополичьего свода.²⁰

Последовательно проведенная мысль о том, что победа одержана русскими благодаря вмешательству небесных сил, молитвы к которым возносил Дмитрий Иванович, риторический характер вставок в «Летописную повесть», искусное использование ее составителем фразеологии псалмов и цитат из других библейских книг позволяют видеть в нем профессионального церковного писателя. Столь же искусное составление своего текста из фразеологии псалмов и риторические пассажи находим в Житии Стефана Пермского, написанном монахом Троицкого монастыря Епифанием Премудрым.

Если учесть также вставку составителя «Летописной повести» о благословляющей грамоте игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского (учителя Епифания Премудрого), полученной Дмитрием Донским перед переправой через Дон, то есть основание предполагать, что составителем «Летописной повести о Куликовской битве» был именно Епифаний Премудрый, создавший распространенную, риторическую по стилю редакцию ранее существовавшей Внелетописной повести о Куликовской битве, т. е. «Летописную повесть».²¹

Свод 1418 года определенно связывается с именами и деятельностью митрополита Фотия и Епифания Премудрого. Г. М. Прохоров считал, что Епифаний Премудрый до самой смерти «мог служить своим пером <...> митрополиту Фотию»,²² выполняя его заказы, в том числе с написанием целого ряда повестей для летописного свода 1418 года. «Литературные достоинства „Свода 1418 г.“ в первую очередь определялись, —

¹⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 20.

¹⁹ См. об этом: Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву // IX Чтения по истории и культуре древней и новой России (К 700-летию преподобного Сергия Радонежского): Материалы науч. конф. (Ярославль, 25–27 сентября 2014 г.). Ярославль, 2016. С. 62–89.

²⁰ При публикации «Летописной повести» предполагаемые нами вставки (риторические пассажи) выделены, их вставной характер обоснован в подстрочных примечаниях. См.: Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? С. 100–109.

²¹ Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? О Епифании как редакторе см. на с. 94–99.

²² Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 88–122.

по словам А. Г. Боброва, — вкладом именно этого писателя (Епифания Премудрого. — Л. С.).²³ Все повести, впервые читающиеся в этом своде и, как полагают исследователи, написанные или отредактированные для него, объединяет общий риторический стиль. Прохоров обосновал предположение, высказанное ранее А. В. Соловьевым, что «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича», включенное в свод Фотия под 1389 годом, создано Епифанием Премудрым.²⁴ В числе повестей, подготовленных для летописного свода 1418 года, называлась и «Летописная повесть о Куликовской битве».²⁵ Однако, учитывая, что в тексте «Летописной повести» нами обнаружены позднейшие вставки, больше оснований полагать, что Епифаний Премудрый не написал, а отредактировал в характерном для него риторическом стиле ранее существовавшую Внелетописную повесть о Куликовской битве, созданную, вероятно, при житии Дмитрия Донского, в 80-е годы XIV века.

На то, что «Летописная повесть» принадлежит перу Епифания Премудрого, косвенным образом указывают и некоторые библейские цитаты в ней, присутствующие и в произведениях Епифания Премудрого. Приведем лишь два примера. Риторический фрагмент «плач Мама» заимствован составителем «Летописной повести» из апокрифа «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов», на что указала В. П. Адрианова-Перетц.²⁶ Показательно, что этот же фрагмент был использован в «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», тоже включенном в свод Фотия 1418 года и написанном, как предполагается, Епифанием Премудрым. В эпизоде прощания с воинами в «Летописной повести» упоминается плач Рахили о детях своих (Иер. 31: 15), сравнение с плачем Рахили присутствует и в Епифаниевском Житии Стефана Пермского, в Плаче Церкви Пермской.

«Летописная повесть» неоднократно перерабатывалась, текст ее одними летописцами сокращался, а другими расширялся.²⁷ Так, составитель Новгородской летописи Дубровского расширил «Летописную повесть» заимствованиями из «Сказания о Мамаевом побоище».²⁸

Сказание о Мамаевом побоище

Следующим по времени произведением о Куликовской битве было, с нашей точки зрения, «Сказание о Мамаевом побоище». Это произведение значительно больше по объему, чем «Летописная повесть», в нем много новых фактов.²⁹ «Сказание» охотно переписывалось, дошло более 100 списков этого произведения. Оно сохранилось в не-

²³ Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия (Проблема реконструкции текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 137. Исследователь пишет: «Исполнителем работы по написанию ряда повестей для включения в этот выдающийся памятник летописания был, по всей вероятности, инок Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, а „заказчиком“ создания произведения в целом — митрополит киевский и всея Руси Фотий, поэтому мы и называем его „Летописный свод митрополита Фотия“».

²⁴ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 85–106; Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. С. 88–122.

²⁵ См.: Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. С. 244–246; Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия. С. 132–133.

²⁶ Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 87.

²⁷ О переработках «Летописной повести» см.: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 344–355.

²⁸ С. Н. Азбелев ошибочно считал текст «Летописной повести о Куликовской битве» в составе Новгородской летописи Дубровского первоначальной редакцией Повести. См.: Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: 1973. М., 1974. С. 164–172.

²⁹ См. об этом: Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 121–123.

скольких редакциях, наиболее ранними являются Основная, Летописная, Киприановская, Распространенная.³⁰

Несколькими исследователями уже высказывалась мысль, что «Сказание» создано после «Летописной повести» и на ее основе.³¹ М. А. Салмина указала на целый ряд сюжетных совпадений в «Летописной повести» и «Сказании», сделав вывод: «...оба памятника настолько близки друг другу и в сюжетной линии, и в композиционном построении, и в обращении к одним и тем же фактам, к одним и тем же мотивам, что представляется несомненным — или эти памятники влияли друг на друга, или они восходили к одному источнику».³² Исследователь привела также шесть примеров текстуальной зависимости «Сказания» Основной редакции от «Летописной повести» и пришла к выводу, что между памятниками прямая связь, а именно — «Сказание» создано на основе «Летописной повести».³³ Л. А. Дмитриев, признавая, что в «Сказании» и в «Летописной повести» действительно много общего в освещении и интерпретации фактов, тем не менее полагал, что попытки М. А. Салминой доказать текстуальную зависимость между обоими памятниками являются неубедительными, и считал более обоснованным высказанное А. А. Шахматовым соображение, что оба памятника пользовались каким-то общим источником.³⁴ По мнению Б. М. Клосса, «переключки образов, композиционной структуры, отдельных фрагментов текста „Сказания“ и Летописной повести настолько бросается в глаза, что предполагать их независимое происхождение невозможно».³⁵ Исследователь полагает, что автор «Сказания» пользовался списком «Летописной повести», входящей в Софийскую I летопись старшего извода. Но к сожалению, он привел лишь один пример большей текстологической близости «Сказания» к Софийской I летописи старшего извода, нежели к Новгородской IV летописи.³⁶

«Сказание», на наш взгляд, написано не просто *позже* «Летописной повести» — оно *полемизирует* с ней. Если в «Летописной повести» великий князь московский Дмитрий Иванович, в соответствии с традицией, является, по сути дела, единственным героем битвы,³⁷ то в «Сказании» активно действуют и другие герои. Более того, роль Дмитрия Ивановича в сражении автор «Сказания» сознательно искажает. Поэтому нельзя, по нашему мнению, согласиться с утверждением Л. А. Дмитриева, что Дмитрий Донской — главный герой «Сказания», что он изображен *идеальным* князем, *мудрым* государственным деятелем и *опытным* полководцем, что автор подчеркивает его личную *доблесть* и *мужество*,³⁸ что «Сказание» — «это не только рассказ о битве с татарами, но своего рода *панегирик великому князю московскому*, приближающийся к агиографическим похвалам», что публицистической задачей «Сказания» было «показать первенство великого князя московского».³⁹ Правы, как

³⁰ См.: Дмитриев Л. А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 449–480.

³¹ См.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 151; Мингалев В. С. Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 55–72. Шамбинаго думал, что в основе «Сказания» лежит «Летописная повесть», читающаяся в Новгородской летописи Дубровского. Однако это неверно. Напротив, текст «Летописной повести» в летописи Дубровского расширен за счет вставок из «Сказания».

³² Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». С. 119.

³³ Там же. С. 120–121.

³⁴ Дмитриев Л. А. 1) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 342–347; 2) Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. С. 378.

³⁵ Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 254.

³⁶ Там же. С. 254–255.

³⁷ Когда великий князь принимал личное участие в битве, то она изображалась в памятниках как великокняжеское предприятие.

³⁸ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 347–348.

³⁹ Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. С. 426–427. Сходную точку зрения высказал А. Н. Робинсон, см.: Робинсон А. Н.

представляется, М. Н. Тихомиров,⁴⁰ Л. В. Черепнин⁴¹ и Р. Г. Скрынников,⁴² увидевшие в «Сказании» руку недоброжелателей московского великого князя Дмитрия Ивановича. По «Сказанию», Дмитрий Иванович, по сути дела, отказался от руководства сражением. Перед началом битвы Михаил Андреевич Бренко (Бренок) обменялся с Дмитрием Ивановичем доспехами и конем и занял место великого князя под его «чермным» стягом. Это обстоятельство вынуждает читателя предположить, что именно он, боярин и воевода, и командовал русским войском в начале великой битвы с татарами за рекой Доном. В «Сказании» затем подчеркнуто, что под княжеским знаменем и погиб Михаил Андреевич «за великого князя», — по сути дела, вместо него. Л. В. Черепнин полагал, что ранение, заставившее Дмитрия Ивановича фактически выбыть из строя в часы боя, было использовано врагами Московского княжества из числа русских правителей (исследователь назвал рязанского и тверского князей) и противниками Дмитрия Донского из числа московских и не московских бояр для его опорочения. Но скорее всего, никакого ранения Дмитрия Ивановича не было. Созданная в его окружении и для его прославления «Летописная повесть» говорит о том, что великий князь не был ранен, и не потому, что оберегал себя (он сражался в первых рядах), а потому, что Бог охранял его. Версия о ранении изобретена автором «Сказания», чтобы приуменьшить роль Дмитрия Ивановича в битве и показать героическую роль других участников сражения.

Принижая роль Дмитрия Ивановича в победе на Куликовом поле и даже выставя его в невыгодном свете, автор «Сказания» всячески подчеркивает роль в битве его двоюродного брата, второго лица в московском княжеском доме Владимира Андреевича Серпуховского. В отличие от «Летописной повести о Куликовской битве», где имя Владимира Серпуховского названо всего четыре раза с упоминанием при этом и «всех князей русских»,⁴³ в «Сказании» имя Владимира Серпуховского постоянно фигурирует рядом с именем Дмитрия Ивановича. По «Сказанию», Владимир Андреевич возглавляет Засадный полк, благодаря которому произошел перелом в битве и татары обратились в бегство. Именно полк Владимира Андреевича преследует воинов Мамай до их стана. Возвратившись же на поле битвы, Владимир Андреевич «стал на костях» под княжеским знаменем, по сути дела как выигравший сражение князь, за которым осталось поле битвы. При этом Владимир Андреевич «не обрел брата своего», великого князя Дмитрия Ивановича. Он расспрашивает о нем и узнает, что видели его сражавшимся с четырьмя «печенегами», а потом — раненым, идущим пешим с поля битвы. Князя Дмитрия долго ищут и наконец находят его «бита велми» в дубраве, «отдыхающая под сеченым деревом». Владимир Андреевич сообщает великому князю о победе и поздравляет его с честью победителя, по праву принадлежащей, как вытекает из «Сказания», ему самому.

Рядом с Дмитрием Ивановичем, затмевая его, в «Сказании» выступает не только его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской, но и братья жены Владимира Андреевича Елены — литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, а также опытный воевода Дмитрий Боброк Волынский, «уряжающий полки» перед битвой

Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 10–38.

⁴⁰ По мнению Тихомирова, «Сказание» прославляло «литовских князей Ольгердовичей, а также Владимира Андреевича серпуховского как героев битвы. Наоборот, Дмитрий Донской изображен почти трусом. Это — сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием» (Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. С. 346).

⁴¹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 619 и др.

⁴² Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 68.

⁴³ Вначале Дмитрий призывает в поход брата и всех князей русских, затем обращается к ним с речью, потом говорится о соединении войск Дмитрия Ивановича с войском Владимира Андреевича у Оки, а в конце «Летописной повести» Дмитрий Иванович вместе с братом и со всеми князьями, воеводами и воинами «стоит на костях», принося благодарение Богу.

и, по сути дела, командующий Засадным полком, решившим исход сражения (именно он удерживает Владимира Андреевича от преждевременного вступления в бой и указывает ему, когда нужно ринуться в битву). Участие братьев Ольгердовичей в походе на Мамай придает большое значение: их присоединение к войску Дмитрия описывается как из ряда вон выходящее событие. Приводится авторское обоснование отъезда братьев от отца (при том что Ольгердовичи к этому времени уже были на службе у московского князя), между братьями происходит обмен посланиями, в которых говорится о важности защиты христианства, обосновывается этим выступление сыновей против отца и т. д. Весть о приезде Ольгердовичей к Дону великий князь посылает в Москву митрополиту Киприану, который по этому поводу повелел «сугубо молитву творити день и ночь к вседržжителю Богу». Известие об их прибытии отправлено и в обитель игумена Сергия, и к великой княгине Евдокии, которая в молитвах возносит благодарение Богу. Если в «Летописной повести» при обсуждении вопроса о целесообразности переправы через Дон решительным сторонником мнения о необходимости перейти Дон выступает великий князь, произносящий пылкую речь (по мнению Черепнина, «здесь налицо определенная политическая тенденция, вообще характерная для Летописной повести, — изобразить весь поход как предприятие *княжеское*»),⁴⁴ то по «Сказанию» вопрос о переходе на другую сторону Дона был решен после того, как в необходимости этого убедили московского князя литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи: переправившись через Дон, воины лишат себя пути к отступлению и им придется либо победить, либо умереть. После возвращения в Москву сам Дмитрий Иванович с почетом провожает братьев восвояси.

Для создания нужного представления о героях сражения на Дону автор «Сказания» сознательно допускает анахронизмы, в частности, заменяет имя литовского князя Ягайло, готовившегося выступить на стороне Мамай, именем его отца Ольгерда, умершего за три года до Куликовской битвы. Называя союзником Мамай Ольгерда, который несколько раз нападал на Москву и слыл опасным врагом, автор «Сказания», по мнению Дмитриева, подчеркивал силу и мощь московского князя.⁴⁵ Существовала, вероятно, и более важная причина намеренной замены имени: это позволяло составителю «Сказания» обосновать мысль о том, что защита христианства оправдывала выступление сыновей против отца. Данный тезис подчеркивается в «Сказании» ссылкой на Священное Писание.

Этот и другие анахронизмы «Сказания» (включение в число персонажей митрополита Киприана, которого в 1380 году не было в Москве, а также сообщение о том, что великий князь перед походом молился перед иконой Владимирской Богоматери, перенесенной из Владимира в Москву лишь в 1395 году, во время движения на Русь войск Тимура) указаны и объяснены в работах Дмитриева.⁴⁶

Многие эпизоды «Сказания» справедливо вызывают у исследователей сомнение в их достоверности. Это и рассказ о посещении Дмитрием Ивановичем Троицкого монастыря, и сведение о благословенной грамоте Сергия Радонежского, доставленной московскому великому князю перед переправой через Дон,⁴⁷ и эпизод с переодеванием Дмитрия Ивановича,⁴⁸ и эпический эпизод поединка Пересвета с Челубеем (или

⁴⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 613.

⁴⁵ Дмитриев Л. А. Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси // Русская литература. 1980. № 3. С. 23.

⁴⁶ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 333, 338–339.

⁴⁷ См. об этом: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 103–109, 114–120; Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 71–77.

⁴⁸ Как отметил Скрынников, легенда о переодевании Дмитрия Донского «поражает своими несообразностями». Снять с себя наиболее прочный княжеский доспех, отлично подогнанный по фигуре, отдать испытанного боевого коня за считанные минуты до сечи — это означало подвергнуть себя наибольшей опасности. См.: Скрынников Р. Г. Куликовская битва. С. 68.

«печенегом»⁴⁹). Не всем ученым кажется реалистичной и история с Засадным полком под руководством Владимира Андреевича и Дмитрия Волынского, призванная возвысить их роль в сражении на Дону.⁵⁰ (Ранее в «Сказании» вслед за «Летописной повестью» сказано, что при уряжении полков в Коломне Владимир был поставлен во главе полка Правой руки, как и полагалось ему по статусу⁵¹).

Перечисленные фрагменты «Сказания» являются плодом вымысла его автора и носят литературный характер. Источником фрагментов о Сергии Радонежском послужили «Летописная повесть о Куликовской битве» и Житие Сергия Радонежского, а эпизоды с переодеванием князя, с Засадным полком и др. навеяны, по мнению А. Е. Петрова, «Сербской Александрией», с которой автор был, несомненно, знаком.⁵² Эпизод поединка Пересвета с ордынским богатырем заставляет вспомнить о «Повести временных лет», где эпизоды поединков перед битвой встречаются дважды.

Исходя из того, как изображены автором «Сказания» участники Куликовской битвы, А. А. Шахматов⁵³ и другие исследователи предполагали, что автор «Сказания» был связан с удельным князем Владимиром Андреевичем и его родственниками — литовскими князьями Ольгердовичами. Ученые привели убедительные аргументы в пользу того, что «Сказание» создано в Троицком монастыре, расположенном на землях княжества Владимира Серпуховского, который делал богатые вклады в монастырь.⁵⁴ Этим объясняется и повествование о Сергии Радонежском, и рассказ о монахах этого монастыря, Пересвете и Осляби, принявших участие в битве по благословению Сергия Радонежского.

По поводу того, когда было написано «Сказание», сейчас существуют три основные точки зрения. Дмитриев⁵⁵ и Скрынников⁵⁶ датировали «Сказание» первой третью XV века, Кучкин⁵⁷ и Клосс⁵⁸ — почти на сто лет позднее, началом или первой третью XVI века. Петров относит составление «Сказания» к последнему десятилетию XV ве-

⁴⁹ О вымышленном характере сообщения о поединке Пересвета см.: Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 81–83.

⁵⁰ Д. А. Моисеев, например, сомневается в правдивости известий о построении полков, в том числе в существовании «засадного полка». См.: Моисеев Д. А. К вопросу о построении русских полков на Куликовом поле // <http://www.russiancity.ru/hbooks/h064.htm>; дата обращения: 15.04.2020.

⁵¹ При этом рассказ о Засадном полку носит правдоподобный характер: войско в то время действительно могло состоять из 5 полков, одним из которых был запасной, Засадный, вступающий в битву со свежими силами в определенное время после начала битвы. В. А. Кучкин со ссылкой на летопись указывает, что «пятичленное деление и построение полков (то есть, вероятно, на сторожевой полк, Великий полк, полки правой и левой руки и запасной, арьергардный полк) в XIV в. было русским известно» (Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 15). По мнению исследователя, рассказ «Сказания» о Засадном полке заслуживает доверия (Там же. С. 15–16).

⁵² Автор «Сказания» упоминает героя «Сербской Александрии» Ависа. См.: Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 60.

⁵³ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академией наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 181.

⁵⁴ См., например: Скрынников Р. Г. Куликовская битва. С. 68; Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище». С. 259–260.

⁵⁵ Дмитриев Л. А. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 185–199; 2) К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». С. 406–448; 3) Сказание о Мамаевом побоище. С. 371–384.

⁵⁶ Скрынников Р. Г. Куликовская битва. С. 43–70.

⁵⁷ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 113–114.

⁵⁸ Клосс Б. М. 1) Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище». С. 253–262; 2) Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XV веков. С. 344–345.

ка.⁵⁹ Аргументы сторонников позднего происхождения «Сказания» рассмотрены нами в специальной статье.⁶⁰

Исследование памятников Куликовского цикла привело нас к выводу, что «Сказание» было создано в 1440-е годы или в самом начале 1450-х годов. Нижней границей является время создания Четвертой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского (она датируется Б. М. Клоссом 1444–1445 годами⁶¹). В Четвертой редакции Жития, а вслед за ней в «Сказании» соединились два эпизода: эпизод приезда Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь к Сергию за благословением на битву с Мамаем (читающийся в Первой Пахомиевской редакции; в Житии он краток) и эпизод с благословенной грамотой (заимствованный Пахомием в Житие из «Летописной повести»).⁶² Причем, по «Сказанию», Дмитрий Иванович получает благословенную грамоту, как и в Житии Сергия, непосредственно перед битвой (в «Летописной повести» — перед переходом через Дон).

До сих пор многие исследователи уверены, что «Сказание» создано после «Задонщины», поскольку в нем есть вставки из последней. Однако, как показывает проведенный нами текстологический анализ «Сказания», этих вставок не было в авторском тексте, они внесены позднейшими редакторами.⁶³ Напротив, есть основание считать, что «Сказание» создано до «Задонщины», в которой содержатся туманные намеки на события, о которых подробно повествуется в «Сказании». Кроме того, некоторые фрагменты «Сказания» первичны по отношению к параллельным фрагментам «Задонщины».⁶⁴ Следовательно, «Сказание» не могло быть написано позже 1475 года, которым датируется список «Задонщины», переписанный Ефросином Белозерским. Если учесть, что «Задонщина» была создана, скорее всего, не позднее 1453-го (года падения Константинополя),⁶⁵ то составление «Сказания» можно ограничить 1444/1445–1453 годами.

Учитывая то, что «Сказание о Мамаевом побоище», по всей вероятности, написано в Троицком монастыре в 1445–1453 годах, можно предположить, что его автором был Пахомий Серб, пребывавший в Троицком монастыре (в первый период) с 1440 до 1459 года. В 1440–1445 годах он трудился над Житием Сергия Радонежского и создал несколько редакций этого произведения. Проблема атрибуции «Сказания» мы посвятим специальную работу.⁶⁶

Итак, «Сказание о Мамаевом побоище», в основу которого положена «Летописная повесть о Куликовской битве», полемизирует с ней, дает иное, нежели «Летописная повесть», представление о роли в Куликовской битве ее участников.

⁵⁹ Петров А. Е. 1) К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Тезисы докладов и сообщений конференции молодых специалистов РГБ по итогам научно-исследовательской работы за 1992 год. М., 1993. С. 30–31; 2) Проблема датировки «Сказания о Мамаевом побоище» в связи с «Повестью о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» // Румянцевские чтения: К 240-летию со дня рождения Н. П. Румянцева: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конф. (14–15 апреля 1994 г.): В 2 ч. М., 1994. Ч. 2. С. 49–51; 3) «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». С. 54–64.

⁶⁰ Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 67 (в печати).

⁶¹ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 174.

⁶² См. об этом: Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 73–76. Следует отметить, что соединение двух эпизодов видим и в Третьей Пахомиевской редакции (по классификации Клосса), но другие исследователи сомневаются в принадлежности этой редакции Пахомию Сербу.

⁶³ См. об этом: Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 101–121.

⁶⁴ Доказательства см.: Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище».

⁶⁵ Аргумент см. в статье: Соколова Л. В. Первоначально ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 710–711.

⁶⁶ Некоторые предварительные доводы в пользу авторства Пахомия Серба см.: Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище».

Заключительным произведением Куликовского цикла была, с нашей точки зрения, «Задонщина». Она была создана, по нашему мнению, книжником, знакомым и с «Летописной повестью», и со «Сказанием». «Задонщина» по своей идее, своему замыслу существенно отличается и от «Летописной повести», и от «Сказания».

По догадке Д. С. Лихачева, «центральная идея „Задонщины“ — идея реванша». Именно этим объяснялось, по мнению ученого, обращение ее автора к «Слову о полку Игореве», а не простым подражанием его стилю. В сближении событий прошлого и настоящего — «пафос исторического замысла» «Задонщины».⁶⁷

Однако автор «Задонщины» пишет свое произведение не с целью *рассказать* о Мамаевом побоище или *прославить* того или иного участника Куликовской битвы — он создает публицистическое произведение, в котором события 1380 года оцениваются с государственных позиций. Его задача — вдохновить русских на окончательное свержение ордынского ига. Автор «Задонщины» стремится изобразить Куликовскую битву как общерусское предприятие, поэтому считает нужным объяснить, почему новгородцы не смогли принять участие в сражении, и умолчать «об измене» русского князя Олега Рязанского, чтобы не нарушать картину единодушия русских князей.

Все произведения Куликовского цикла за исключением его заключительного звена — Краткой редакции «Задонщины», известной по списку, переписанному Ефросином в 1475 году, незадолго до 100-летия сражения с Мамаем, — описывают Куликовскую битву как несомненную и очень важную победу объединенного русского войска над Мамаем. Явные свидетельства того, что и в протографе Краткой редакции Куликовская битва изображалась как победа русских, имеются в тексте этой редакции (пролог, приметы будущей победы).⁶⁸

В заключение отметим, что Куликовская битва действительно стала переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой, несмотря на то что ордынское иго продолжалось еще долгих сто лет. Победа на Куликовом поле пробудила историческое самосознание русского народа, дала надежду на освобождение, способствовала созданию этнической общности. По выражению Л. Н. Гумилева, «этническое значение происшедшего в 1380 г. на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах. И потому в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая общность — Московская Русь — стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения».⁶⁹ Широко известен и афоризм В. О. Ключевского о том, что Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты».⁷⁰

⁶⁷ Лихачев Д. С. 1) Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 76–78; 2) «Задонщина» // Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975. С. 250–251.

⁶⁸ О причинах, побудивших Ефросина сократить вторую часть «Задонщины», повествующую о победной части боя, см.: Соколова Л. В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? С. 721–723.

⁶⁹ Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2015. С. 206.

⁷⁰ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пб., 1919. С. 521.